

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ

КУРС
РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

ТОМ

I

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ
действительный член Академии наук УССР

КУРС РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ТОМ I

Пятое, переработанное издание

Допущено Управлением по делам высшей школы при Совете Министров УССР как пособие для филологических факультетов университетов и факультетов языка и литературы педагогических институтов УССР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«РАДЯНСЬКА ШКОЛА»
КИЕВ — 1962

Мы любим свой язык и свою родину.

В. И. Ленин. Сочинения. Т. 21, стр. 85.

Язык Тургенева, Толстого, Добролюбова,
Чернышевского — велик и могуч.

В. И. Ленин. Сочинения. Т. 20, стр. 55.

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК.

Под понятием «русский язык» следует разумеать, с одной стороны, русский литературный язык, с другой — различные диалекты.

Литературный язык — это язык государственных и общественных учреждений, школы, науки, прессы, художественной литературы, театра, радио.

Однако, поскольку литературный язык обслуживает такие сложные культурные потребности главным образом в письменном (печатном) виде, понятие «литературный язык» часто применяется только к языку печатных и письменных произведений. В этом значении литературный язык противопоставляется и диалектам, и городскому разговорному языку как речи обиходного устного общения. В свою очередь этот городской разговорный язык, соответственно общественным группировкам, представляет собой разновидности (социальные жаргоны).

Так как литературный язык в первом смысле по его установке есть язык общенациональный — унормированный в составе словаря, форм и особенностей произношения, этот его состав подчиняет себе разговорную речь людей, прошедших школу, и речь эта оказывается, таким образом, в соответствии с уровнем полученного говорящими образования, в большей или меньшей мере совпадающей в лексической (словарной) и грамматической стороне с языком, принятым в книгах, газетах и т. д. Будучи организованной системой, литературный язык, при всём этом, оставляет пользующимся им широчайшую возможность отбора тех или иных языковых средств, отбора, определяемого устремлениями пишущего или говорящего и характеризующего в целом его слог, или стиль.

Роль и значение современного русского литературного языка, как языка государственных и общественных учреждений, школы, науки, прессы и пр., огромны. Язык этот стал могучим орудием культурного строительства. Великая Социалистическая революция покончила с позорной империалистической политикой, существовавшей при царизме, когда русский язык был в руках дворянства и буржуазии орудием порабощения других национальностей старой России. В СССР свободно развиваются все национальные языки. Неуклонно развивается и обогащается новыми средствами и сам русский.

Как всякий язык, и русский является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформлялся, обогащался, развивался, шлифовался (См. И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 6), достигнув, наконец, того высокого и разностороннего развития, которое характеризует его теперь.

ЛИТЕРАТУРА (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИ - УСТАНОВОЧНАЯ).

- В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов. Соч., т. 21.
В. И. Ленин. Нужен ли обязательный государственный язык? Соч., т. 20.
В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу, гл. I. Соч., т. 20.
В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение, гл. I. Соч., т. 20.
В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. Соч., т. I, стр. 137.
В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, гл. II—IV. Соч., т. 14.
В. И. Ленин. К вопросу о диалектике. Соч., т. XIII, изд. 3.
И. В. Сталин. Анархизм или социализм? Соч., т. I.
И. В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2.
И. В. Сталин. Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11.
И. В. Сталин. Заключительное слово по докладу на XVI съезде ВКП(б). Соч. т. 13.
И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950 г. и др.

Для критического использования.

- Статьи в сборнике «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., 1950.
Акад. В. В. Виноградов. Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания, М., 1950.
Статьи по языковедению в «Известиях Отд. литер. и яз.» Акад. наук СССР за 1950 и 1951 гг.

ГЛАВА I. ФОНЕТИКА.

Содержание: 1. Фонемы и их звуковые вариации. 2. Чередования гласных. 3. Чередования согласных. 4. Деление на слоги (слогораздел). 5. Общие замечания об ударении. — Из литературы.

Приложения: I. а) Образец литературного произношения. б) Список ударений, против которых особенно часто погрешают. в) Чтение *е* в иноязычных словах со смягчением и без смягчения согласного. г) Разрешаемые в литературном произношении варианты произношения *е*: *ё* в отдельных словах. II. Частотность употребления в русском языке отдельных звуков. III. Важнейшие особенности вошедших в русский литературный язык южнославянизмов. IV. а) Образец московских документов XIV века. б) Образец русского литературного языка второй половины XVII века. в) Образец языка начала XVIII века. V. а) Русские наречия. б) Образец севернорусского говора. в) Образец южно-русского говора. — Из литературы.

1. ФОНЕМЫ И ИХ ЗВУКОВЫЕ ВАРИАЦИИ.

Русский литературный язык располагает следующими фонемами, или основными типами звуков, при помощи которых можно различать значения слов:

Гласные: и, э, (ы), у, о, а.

Согласные: 1. д, т, з, с, д ^{б1}		}	Шумные	}	Сонорные
т ^б , з ^б , с ^б ; ц, ж, ш, ж ^б , ш ^б , ч;					
2а) г, к, х; 2б) (г ^б), (к ^б), (х ^б);					
3) б, п, в, ф; б ^б , п ^б , в ^б , ф ^б					
			р, л, н; р ^б , л ^б , н ^б ,		
			й		
			м; м ^б		

Из согласных первая группа — нёбнозубные, вторая — а) задне-нёбные (велярные) и б) средненёбные, третья — губные; в, ф и в^б, ф^б — губозубные.

Русское письмо, продолжающее во многом традиционное древнеболгарское (церковнославянское), пользуется системой букв, расходящуюся с требованиями письма, последовательного в передаче фонем. Письмо наше — нефонетическое и далеко от строгого соответствия между звуками и обозначаемыми ими буквами: мы

¹ Транскрипцию мягких согласных при помощи *ь* (мягкого знака *сверху*), *вм.* обычной — *чёрточки вверху сбоку*, избираем по мотивам техническим.

говорим *рош*, а пишем *рожь*, т. е. употребляем для передачи согласного букву, обычно соответствующую другому звуку, и ставим при этом ещё мягкий знак, которому в произношении ровно ничто не соответствует. Говорим *казáца* или *казáцъ*¹, а пишем *казаться*. Один звук, мягкое (палатальное) *н*, *т* и под., мы обозначаем при помощи двух знаков — *нь*, *ть*, и таких несоответствий в нашем письме очень много.

Важнейшие различия между системой фонем литературного языка и их типическими обозначениями сводятся к следующему.

Для гласных русское письмо располагает, кроме пяти указанных выше без скобок (*и*, *э*, *у*, *о*, *а*), ещё буквами: *ы*, *е*, *ю*, *ё*, *я*. Из них *ы* представляет по существу вариант фонемы *и* после твёрдых согласных: ср. *коли* (= приблизительно «кал^ьы») и *колы*, *бил* (= приблизительно «б^ьыл») и *был*, причём нет случаев, где бы возможно было в русском языке употребить *ы* после мягкого согласного, а *и* — после твёрдого. Совпадение в русском языке *ы* и *и* в одной фонеме сказывается особенно отчётливо в таких постоянных отношениях, как: *других* — *иных*, *синий* — *красный*, *синих* — *красных*.

Практически, однако, удобнее *ы* трактовать как самостоятельную фонему. «Ввиду того, — говорит Л. В. Щерба, — что случаи, где со смысловой точки зрения *ы* и *и* являются тождественными, крайне немногочисленны... — то *ы* является всё-таки самостоятельной фонемой, хоть, может, и не в такой мере, как *а*, *э*, *и*, *о*, *у*» («Русские гласные в качественном и количественном отношении», 1912, стр. 50).

Буквы *е*, *ю*, *ё*, *я* имеют двойное основное значение: это или сочетания *йэ*, *йу*, *йо*, *йа* в начале слога — *есть*, *ехать*, *юг*, *стою*, *её*, *своё*, *я*, *моя* и под., или *э*, *у*, *о*, *а*, предшествующий которым согласный смягчён, — *вера*, *лес*, *любить*, *люди*, *нёс*, *ведра*, *пять*, *рвкну́ть* и под.

Для обозначения согласных характерно, что ряд мягких (палатальных) имеет своё обозначение или при помощи добавочной буквы («мягкого знака» — *ь*) в конце слога: *встань*, *тетрадь*, *глянь*, *кровь*, или при помощи букв *е*, *ю*, *ё*, *я*, *и*, следующих за ними: *нет*, *лесть*, *люк*, *рюмка*, *рѣв*, *плѣл*, *слякоть*, *мята*, *тих*, *липа* = н^ьэт, л^ьэс^ьт^ь, л^ьук, р^ьумк^ь, р^ьоф, пл^ьол, с^ьл^ьак^ьт^ь, м^ьать, т^ьих, л^ьип^ьт^ь.

Буква *щ* обозначает фонему *ш̣̌*, т. е. долгое мягкое *ш* произношения г. Москвы: *ищу* = иш̣̌у, *щека* = ш̣̌ика, *щуплый* = ш̣̌уплый.

Параллельная звонкая фонема *ж̣̌*, т. е. долгое мягкое *ж* произношения г. Москвы, выражается комбинацией букв: *йѣж̣̌у* передается в письме через *езжу*, *даж̣̌а* — через *дождя*.

Мягких шипящих не долгих (кроме *ч*) ни как фонем, ни как

¹ *ь* — тут знак особого редуцированного звука (см. ниже). Произношение с *ц* долгим и *ц* коротким у москвичей встречается в этой категории параллельно.

² *ь* над согласным употребляем тут как знак его мягкости.

звуковых вариантов¹ русский литературный язык не в заимствованных словах (*жюри, брошюра*) не знает. Поэтому традиционные написания вроде *шило, жизнь, шелест, жезл* имеют только этимологическое значение: *ши, жи, ше, же* следует читать как *шы, жы, шэ, жэ*. Точно так же московскому произношению неизвестно мягкое *ц*. Поэтому написания *целый, на крыльце, цирк, революция* в московском произношении звучат как *цэлый, крыльце, цырк, рэволюция* (ср. распространённое на юге неправильное произношение с мягким *ц* в словах *целовать, целый, цена*, где в украинском языке мягкое *ц*: *цілувати, цілий, ціна*, и *революция, эвакуация* и под., произношение которых с мягким *ц*, под влиянием этимологии, несколько десятилетий назад считалось орфоэпическим и для русских).

Наоборот, только мягким является русское *ч*.

Некоторые из указанных фонем русского языка имеют варианты, зависящие от специальных условий.

В неударяемых слогах русские этимологические гласные подвержены значительным изменениям: напр., *о* (*ё*) в русском литературном языке, вообще говоря, возможно только под ударением; также только под ударением существует *э* (*е*). Но и фонемы *а*, *и*, выступающие вместо них в неударяемых слогах («вада, кас^ай, н^ис^ай, в^иду») или чаще со звуком, только близким *к* и (вместо орфографических *вода, коси, неси, веду*), меняется в известных положениях. Напр., в московском произношении неударяемое *а* употребляется вообще только в слоге, непосредственно предшествующем ударяемому, т. е. *покажем* произносится «пакáжым», *коса* — «касá», так же, как и *хвалá, далá* и под.; но *поросёнок* произносится уже как «пърас^оньк», *показать* — как «пъказáт^а», *дело* — как «д^эл^т», *пароход* — как «пърáхóт» со звуком *ъ*, напоминающим несколько *ы*. Физиологически это звук среднего ряда среднего подъёма, произносимый с ослабленным голосом и очень коротко. Особенно велико ослабление голоса при произношении его между двумя глухими согласными: «пътамú, пъкар^ыт» (*потому, покорит*) и под., — ослабление, лишаящее данный звук почти всякой определённости. (Кроме положения перед ударением, как *а* звучат ещё начинающие слово *о* и *а*). Однако, у значительной части русских наряду с подобным произношением употребляется вместо звука *ъ* — обыкновенное *а*, т. е. произносится: «парас^аонак, паказáт^а, д^эла, парáхóт».

Правописному *е* без ударения в литературном произношении соответствует обычно *и*, но рядом возможно *э*^и, т. е. закрытое, напряжённое *э*: «н^ис^ибóш» (*несёшь*) и «н^эс^ибóш», «в^иснаá» (*весна*) и «в^эс^исна́», «н^ис^ибóт^и» (*несёте*) и «н^эс^ибóт^э».

Примечание 1.

В положениях, в которых *о* и *а* выступают как редуцированные, известную редуцированность может обнаруживать также звук и такого происхождения.

¹ В украинском *ш, ж* мягкие как варианты фонем (перед *і*) существуют: *товариші, пишіть, скажіть* и под.

Примечание 2.

В ряде случаев в заударных слогах, являющихся приметою морфологических категорий, под влиянием родственных образований с окончанием *о* выступает вместо ожидаемого рефлекса — *ъ* (редуцированный гласный) со смягчением предшествующего согласного: «полъ» (*поле*), «полъѣмъ» (*подем*), «пахаръѣмъ» (*пахарем*) и под.

Отметим из вариантов фонем, кроме указанных, важнейшие: Неударяемое и в литературном произношении г. Москвы соответствует правописному а после щ, ч: *счастливый* произносится «шшисл'йвыи», *чахотка* — «чихоткѣ», *очаровать* — «ачираватѣ», *щадит* — «шад'йтѣ». Под влиянием письма широко распространено произношение и с сохранением звука а.

Неударяемое *ы*¹ является в параллельных условиях после ж, ш: «шылун» (пишется *шалун*), «жыркѣи» (пишется *жаркое*). Под влиянием письма широко распространено, однако, вне Москвы произношение «шалун, жаркѣи» и под.

Правописному я в неударяемом слоге, предшествующем ударению, соответствует в московском произношении и: «л'ид'инѣи» (= *ледяной*), «т'игатѣ» (= *тяготѣ*); но возможно и напряжённое э, главным образом, у представителей старшего поколения.

Примечание 3.

Так и в нефлексивных слогах заударных: «зѣнѣил» (*занял*), «прѣиѣиѣи» (*принято*); но в конечных слогах с морфологическим значением выступает под влиянием родственных форм обыкновенно ѣ (редуцированный гласный) за смягчённым согласным: «врѣѣиѣи» — *время*, «сѣѣиѣи» — *семя* (ср. «пѣѣиѣи», «мѣѣиѣи», отражающие влияние «дѣѣиѣи» — *дело*, «мѣѣиѣи» — *место*), «пѣѣиѣи» — *поля*, «мѣѣиѣи» — *мѣря*, «пахѣиѣи» — *пахаря* (род. п. ед. ч.), «бѣиѣиѣи» — *башия*, «дѣиѣиѣи» — *дыня*, «бѣиѣиѣиѣи» — *башиям*, «дѣиѣиѣиѣи» — *дыням* (лат. мн.).

Влиянию письма обязано широкое употребление произношения а с предшествующей мягкостью, т. е. «зѣнѣал, л'ид'ѣанѣи».

В качестве общего явления, типичного для литературного произношения г. Москвы, нужно, наконец, указать, что сравнительно с ударными гласными гласные безударные произносятся неполным голосом. Распространённое среди украинцев и севернорусов произношение без такой редукции, по свидетельству Д. Н. Ушакова («Русская речь», III, стр. 23), производит на москвичей впечатление «отчеканивания».

Литературное русское произношение в настоящее время знает по существу только фонему взрывное г (= лат. g); её фриктивный вариант, очень близкий к украинскому г (но обыкновенно не гортанный, а задненёбный), ещё недавно широко распространённый в нескольких словах — *богатый*, *благодарить*, *господствовать* и др., повидимому, вымирает². На юге, в области южно-

¹ О том, что оно по существу — вариант фонемы, упоминалось выше.

² Ср. Е. Поливанов. О литературном (стандартном) языке современности. Родн. яз. в школе. 1927, № 1, стр. 226. Специальную характеристику распределения фактов см. в статье Д. Ушакова. «Звук г фриктивный в русском литературном языке в настоящее время». Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук. 1928, Gl.

русского наречия и в зоне украинского и белорусского языков, широко распространено произношение русского правописного г как украинского г или близких к нему оттенков. Такое произношение следует признать, бесспорно, нелитературным.

Щ в произношении г. Москвы звучит как долгое мягкое ш (см. выше); но такое произношение нельзя считать общелитературным. Рядом с ним существует едва ли не более распространённое литературное произношение ш^бч: *роща* — «рош^бча» (московское — рош^бъ), *гуща* — «гуш^бча» (московское — гуш^бъ) и под. Наряду с московским долгим мягким ж в случаях, вроде *уезжать, дождя, позже*, распространено и произношение, близкое к орфографическому, — долгое твёрдое ж (уи^жа́т^б), жд^б (дажд^ба) и под.

Говоря об образцовом литературном произношении, т. е. по сути о произношении г. Москвы, как это произношение установилось в ораторской речи, на сцене и т. д., никак нельзя упускать из виду, как отчасти ясно из сказанного, что оно полностью не было и не может быть достоянием всех говорящих литературно по-русски. Московское произношение до Великой Социалистической революции не было общелитературным уже в силу того, что Москва не была единственным ведущим культурным центром, а роль государственного центра принадлежала имевшему свою окраску литературного языка Петербургу.

После Великой Социалистической революции говор Москвы, ввиду новой роли её как столицы Советского Союза, всё время вбирающей в себя многочисленных представителей других диалектов, заметно меняется.

В пользу орфоэпии, установки на фонетическую норму, говорят теперь мотивы, с которыми нельзя не считаться, и важнейший из них — забота об общепонятности языка.

Но, при всех усилиях школы, театра, деятелей слова вообще выработать норму литературного произношения, она скорее существует как тенденция, нежели как вполне реально существующий всеобщий и бесспорный факт. Произношение очень большого числа культурных людей, говорящих по-русски, в ряде черт не одинаково: отчасти оно подвержено значительным колебаниям в речи их самих; в ещё большей степени — оно окрашено налётом диалектных влияний — места их рождения и воспитания, среды, в которой им пришлось особенно долго жить, и т. д.

«Вопросник» Академии наук СССР¹ предусматривает, напр., литературные произношения: «плясать — плесать — плисать», «заяц — заец — зайц».

В качестве диалектно окрашенного произношения (северного) возможны, согласно ему, случаи, когда слова типа *войлок, стойло* и под. выступают как трёхсложные с и вместо й, т. е. звучат

¹ См. «Русск. язык в школе», 1939 г., № 1, стр. 12 — статья Л. В. Щербь «Спорные вопросы русской грамматики».

вошло, стоило и под. (Из того, что отразилось в истории письменного литературного языка, — чаще других встречается: *лица* (напр., у И. А. Крылова).

Заметны различия в произношении конечных звонких: полный переход в глухие (образцовое литературное произношение) и ослабленная звонкость (под влиянием письма или украинского произношения — на юге) и под.

2. ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ.

Кроме чередований гласных, которые русский язык наравне с остальными славянскими языками получил в конечном счёте ещё из древнейшего состояния¹, ему принадлежат несколько новых, зависящих от специальных характерных для него фонетических законов.

Это прежде всего переход *е* в *ё*² (точнее — *э* с предшествующей мягкостью согласного в *о* с предшествующей мягкостью). Так как неударяемое *е* переходит в литературном русском языке в *и* или звук, к нему близкий, то по существу чередование сводится к отношению «неударяемое *и*, *е*» : ударяемое *ё*»: *весло* : *вёсла*, *несу* : *нёс*, *метла* : *мётлы*, т. е. «в^исло : в^ёсль, н^ису : н^ёс, м^итл^а : м^ётл^ы». Исходный пункт перехода *е* в *ё* заключается, кроме указанного условия — ударяемости, ещё в положении *е* перед твёрдым согласным; поэтому: *мелешь*, а не *мёлешь*, *весело*, а не *вёсело*, *стелешь*, а не *стёлешь*, *постель*, а не *постёл*, но *замёл*, *весёлый*, *мёд*.

При этом надо, однако, иметь в виду, что в абсолютном конце слова ударяемое *е* обычно тоже переходит в *ё*: *бельё*, *гнильё*, *мёй*. После отвердевших в русском языке *ш*, *ж*, естественно, вместо *ё* будет выступать *о*: *шорох*, *исолудь* и под.

Комбинируя примеры положения ударяемого *е* перед мягким согласным, перед твёрдым согласным и неударяемого *е*, получаем типичные для русского литературного языка чередования: *перья* : *пёрышко* : *перо*; *веселье* : *весёлый* : *весел*, т. е. «п^ер^я : п^ёр^ышк^о : п^ер^о; в^ес^ел^ь : в^ёс^ел^ы : в^ес^ел^и»³.

Наряду с этим, особенно распространённым фонетическим чередованием, существует ещё другое, основные особенности которого принадлежат и украинскому языку, — *е* (*ё*) и отсутствие гласного звука, обычно при мягкости согласного, за которым он выпал: *день* — *дня*, *пень* — *пня*, *лён* — *льна*, *kozyрёк* — *козырка*.

После отвердевших шипящих вместо *ё* в этой категории — *о*: *пирожок* — *пирожка*, *пушок* — *пушка*.

¹ Таковы чередования *е* и *о* независимо от ударения (*тёплый* : *топливо*); чередования *о* и *а* (*поить* : *спавать*), *у* и *ы* (*приучить* : *привычка*) и пр., играющие в настоящее время лишь морфологическую роль.

² Для упрощения так в этом отделе и будем писать.

³ Или *вм.* и — редуцированный гласный звук переднего ряда.

Как выразительно показывает, напр., украинский язык, кроме русского *е* (*ѣ*), которому в украинском соответствует *е* (но с твёрдостью предшествующего согласного: *веселій, села, мед*), русский язык знает ещё и другое *е* — чередующееся только с *и* в неударяемом положении, но не переходящее в *ѣ* под ударением перед твёрдыми согласными: *мера, дело, сено, лето* (в дореволюционном правописании в таких случаях употреблялась буква *ѣ*: *мѣра, дѣло, сѣно, лѣто*); такому *е* в литературном украинском языке соответствует *і*, т. е. *міра, діло, сіно, літо*. Правда, и первому *е*, чередующемуся с *ѣ*, в украинском языке часто соответствует *і*, но это бывает при определённом дополнительном условии — в закрытых слогах: *ніс, вів, лід* (при *льоду*) и др.

Физиологически теперь между *е* (*э* с предшествующей мягкостью согласного), чередующимся с *ѣ* (*о*), и *е* (*э*), с ним не чередующимся, никакой разницы нет; причины такого различия исторические — оба упомянутых *е*, а также *е* «беглое», исчезающее в отдельных формах того же самого слова, произошли из различных звуков древнейшего славянского языка¹.

Всякие *э* (*е*), независимо от своего происхождения, подвергаются ещё одному характерному, но менее заметному изменению: они произносятся напряжённей перед мягкими согласными; ср. *тесто* и (*в*) *тесте, эта* и *эти, спет* и *спеть, честный* и *честь*.

Чтобы уяснить себе все типические особенности, относящиеся к русскому *е*, нужно, наконец, принять во внимание ещё несколько специальных условий.

Характерны вариации группы *-ер-* между согласными. В этой группе *е* переходит под ударением в *ѣ* только тогда, если за *р* следует твёрдый зубной, т. е. *твёрдый, чёрный, мёрзнуть, мёртвый, зёрна, но четверг, первый, верх, церковь, верба, смерть* (ср. произношение «в^эр^х, читв^эр^к, цэр^кьф^ь, в^эр^бь, п^эр^вый» и под.). Заметим, что произношение «читв^эр^к, в^эр^х» и под. как литературное не узаконено. Смягчение перед губными встречается ещё реже. Ср. Е. Будде («Очерк истории современного русского языка. XVII—XIX века», 1908): «Ныне мы уже не пишем и не печатаем *ь* после *р* в этих и подобных словах, хотя и произносим *р* мягко, наблюдая в то же время и произношение твёрдого *р* в этих случаях у лиц с литературным образованием и даже у уроженцев г. Москвы» (стр. 32—33).

Далее, хотя звук *ц* теперь в русском языке (в отличие от украинского) всегда твёрд независимо от положения, в прошлом он был мягок и действует на предшествующее *е* именно как мягкий. Поэтому мы имеем *молодец*, а не «молодѣц», *скупец*, а не «скупѣц», *сердец* (род. мн.), а не «сердѣц» и под. С другой стороны,

¹ Звук *е*, не чередующийся с *ѣ*, восходит к особому звуку древнерусского языка — *ѣ*: *лѣто, мѣра* и под.; звуку *е*, переходящий в *ѣ*, — *к*: *веселый, неслѣ*, и под.; звук *е* «беглое» — *к* очень короткому звуку — *ь*: *весь, вся* из *вьсь, вься*.

тоже бывшие в прошлом мягкими звуками *ш, ж*, память о мягкости которых отчасти сохраняет до сих пор орфография (*ши, жи, шь, жь*), влияют на предшествующее *е* как твёрдые: мы произносим *ё* в *везёшь, вернёшь, грабёж, лёжа, дешёв*¹. К влиянию диалектного твёрдого *ш* следует отнести и литературное *тёща*: перед долгим мягким *ш* в произношении г. Москвы ожидалось бы *е*, но в ряде говоров, где *щ* произносится как долгое твёрдое *ш*, *ё* вполне естественно; из них-то оно, повидимому, и заимствовано.

По поводу нашего произношения *женский, деревенский, смоленский* следует припомнить, что отвердение *с* здесь — относительно новая черта, чуждая, напр., многим севернорусским говорам (ср. и укр. *бабський, сільський* и под.).

Слоги *ги, ки, хи* влияют на предшествующее подударное *е*, как твёрдые, т. е. соответственно своему древнему произношению *гы, кы, хы*; поэтому имеем *щёки* (форму, повлиявшую и на *пощёчина*). Менее доказательны случаи вроде *кровопо́тёки*, где возможно также влияние единственного числа².

Нет перехода *е* в *ё* в начальном *не* в префиксальных существительных и под. и в случаях переноса на него ударения в глаголах; *не́бруг, не́ дал*. В случаях вроде *не дал* и под., вероятно, издревле ударение не отличалось устойчивостью. Нужно также принять во внимание, что в словах *не́нависть, не́доросль* мы имеем продукты старославянского влияния.

До сих пор упоминались особенности в изменениях *е*, характерные для русского языка в его, так сказать, чистом виде. Но русский литературный язык имеет в своём составе очень значительную примесь церковнославянских элементов. Древнеболгарский (церковнославянский) язык не знал изменения подударного *е* в *о* с предшествующей мягкостью (*ё*). Поэтому многочисленные заимствованные из него слова произносятся до сих пор на древнеболгарский лад, с тем, однако, отличием, что *е* смягчает, как вообще в русском, предшествующий согласный и неударяемое *е* произносится близко к *и*. Таковы: *небо, пещера, полезный, лев* (но собственное имя иногда произносится как *Лёв*)³, *перст* (но *напёрсток*), *дерзость, серна*.

В старом литературном языке (почти вплоть до половины XIX века) церковнославянское произношение было в употреблении значительно больше, чем теперь. В ряде слов, где, напр., Пушкин произносил (или мог произносить) *е*, теперь, подчиняясь общей фонетической тенденции русского языка, мы произносим

¹ Отдельные отступления — *чешет, брешет, тешет* (ср. диал. *чошет*) — могут отражать влияние родственного типа — *мечет, щечет*, поддержанное говорами, где *ж, ш* отвердели поздно и не влияют, как твёрдые, на предшествующее *е* (ср. диал. *нѣсѣш* и под.). Из подобных диалектов в литературный язык попало, вероятно, *головешка*.

² К неясным случаям относится *щепки*.

³ Пушкин (с Баратынским) рифмует «Лёв» (имя своего брата) с «плов».

только ё (о): «На холмах пушки, *присмирев*, Прервали свой годный *рев*» («Полтава»). «И ты пришёл, сын лени *вдохновенный*, О Дельвинг мой, твой голос пробудил Сердечный жар, так долго *усыпленный*, И бодро я судьбу благословил» (19 окт. 1825). Особенно многочисленны случаи такого чтения в его юношеских стихах. Ср. также у его современников рифмы вроде: *Лафайэт* и *кладет* (Д. Давыдов), *небес* и *нес* (Ф. Тютчев) и под. У Батюшкова в одном и том же стихотворении («В обители ничтожества унылой») рифмы: *слёз* — *роз* и *небес* — *слез*.

Довольно консервативными мы остаёмся в произношении некоторых слов книжного происхождения, вероятно, непосредственно не восходящих к старославянскому: ср. *учебный*, *врачебный*, *душевный*, *плачевный*. Правда, А. Н. Соболевский (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, XXVIII, стр. 398) толкует их как правильные русские формы перед былым -ьн-, но широкое распространение произношения *тёмный* (стар. *тьмъный*) (ср. ещё напр., народн. *неуёмный*) и книжный характер приведённых им примеров не позволяют считать его мнение убедительным.

Сказанное об е в словах, заимствованных из церковнославянского, относится к заимствованиям и из других языков: *пекарь*, *опека*, *концерт* (канв^еэрт), *газета* (газ^еэть), *рента* (р^еэнтъ), *лента* (л^еэнтъ), *момент* (мам^еэнт), *пресса* (пр^еэсь), *секция* (с^еэкция), *тема* (т^еэмъ), *проблема* (прабл^еэмъ), *метр* (м^еэтр), *спектр* (сп^еэктр) и под.

Наряду с отмеченными особенностями фонетического происхождения или объясняемыми заимствованием мы найдём известное количество случаев, обязанных действию сближений по смыслу и производящих впечатление отклонений от общих фонетических законов. Таковы:

1. Переход е в ё (о) перед мягким согласным в дательном и местном падеже, оканчивающемся на е: *омёла* и так же *омёле* (вместо фонетического «омеле»), *обжора* (*обжоре*), *берёза* (*берёзе*), *подоплёка* (*подоплёке*). Ясно, что фонетические формы утрачены под влиянием остальных форм склонения, где е находилось перед твёрдым согласным.

2. Другой тип выравнивания имел место в творительном падеже единственного числа женского склонения ча -я: под влиянием «стороною», «рекою» и под. вместо ожидаемого «землею», «свечею», «вожжею» имеем *землёю*, *свечюю*, *вожжюю*. Ср. фонетические формы *моею*, *твоюю*.

3. Выравниванию же обязаны своим появлением формы с ё в род. падеже мн. ч., как *мётел*, *вёсен* (ср. *мётлы*, *вёсны*).

4. Под влиянием «несёт», «несём» и под. вместо фонетических «несете», «плетете», «рвете» явились и получили в литературном языке исключительное господство — *несёте*, *плетёте*, *рвёте*.

5. Иногда ё (о) проникало в близко родственные слова: *тётя* — под влиянием *тётка*; *горшочек* — под влиянием *горшок*; *мешочек* —

под влиянием *мешок*; *околёсица* — под влиянием *околёсная* (ср. «по-нёс околёсную»); *зелёнький, весёленький* — под влиянием *зелёный, весёлый*.

6. Там, где, по показаниям украинского и других родственных языков, ожидалось бы *е*, не чередующееся с *ё* (из *ѣ*), в нескольких случаях выступает *ё* аналогического происхождения: *гнёзда, звёзды* (при *звезды*), *приобрёл, пожёвывать, зёв, запечатлён, преодолен*. Слова эти уподобились отношениям — *весло*: *вёсла*, *село*: *сёла*, *метла*: *мётлы*, *ветла*: *вётлы*, *брела*: *брёл*, *плела*: *плёл*, *плевать*: *поплёвывать*, *клевать*: *поклёвывать*, *клевать*: *клёв*, *приведён*: *приведён*, *употреблён*: *употреблён*.

7. В формах «запрёг»¹ (пишется *запряг*) и «трёс» (пишется *тряс*) *ё* на месте *я* обязано влиянию отношений — «нёс: несла́, вёз: везла́». Ср. произношение «запрѣгла́, трѣисла́», параллельное «нѣисла́, вѣизла́»². Под влиянием «запрѣг» является и «запречъ» (пишется *запрячь*)³. В переносном значении, напр., «потряс слушателей», произношение *я* сохраняется.

8. Под влиянием *дёрнуть* (*ер* — перед твёрдым зубным согласным) явилось нефонетическое *дѣргать*. Новое литературное *подчёркивать* (ср. параллельное *подчеркивать*) могло возникнуть по аналогии с *отдѣргивать* и под.

9. В литературном произношении г. Москвы в зависимости от места ударения чередуются *о: а: ъ* — *вѣды: вѣда: вѣдѣанѣй; ко́лѣс: калѣсѣй: кѣласѣк* (*вѣды: вода: водяной; колос: колосья: колосок*). В том же положении, в котором *о* переходит в *ѣ*, переходит в *ѣ* и *а*, т. е. имеем: *пѣрахѣт, зѣмарѣтѣ* — *пароход, замарѣтѣ* и под.

Под влиянием этого чередования распространено в литературном языке южнорусское произношение в глаголе «плѣтѣиш, плѣтѣиш» и в производных от него «уплѣчинѣиш» и под. (пишется *платишь, платит, уплачено*)⁴.

10. После слова, оканчивающегося на согласный, и следующего слова, если оно тесно связано с предыдущим, изменяется в *ы*: «с Иваном» звучит «сыванѣм», «с икрой» — «сыкрой», «брат и сестра» — «братысѣистра». Ср. и аббревиатуры: *Госиздат* произносится «госыздат», *горизбирком* — «горысѣбирком». После гласных и мягких согласных и сохраняется; ср. произношение «ты и я», «ночь и день» и под. Наблюдение Д. Н. Ушакова («Русская речь», III, 24): «Среди немосквичей часто можно встретить таких,

¹ Иногда произносят «запряг» и под. См. рифму «напряг» — «овраг» у Некрасова («Про холопа примерного — Якова верного» в «Кому на Руси жить хорошо»).

² Но *лягу: лечь, сяду: сестѣ* — наследие древнейшего периода славянских языков.

³ Ср., напр., у Пушкина («Зимнее утро») рифму: «Трещит затопленная печь» и «Кобылку бурую запречъ».

⁴ Ср. у А. Майкова: «Но нет! Я не сужу. Кто беспорочен? В падении, быть может, сокровен Глубокий смысл, и, может быть, уплачен Им странный долг...» и под.

которые произносят в указанных случаях вообще **ы**, но после **г**, **к**, **х** произносят **и**: «изызыбы», но: «человек идёт» — целиком соответствует фактам распространённого на Украине русского произношения.

3. ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ.

1. Конечные звонкие согласные, если не стоят перед другим словом, начинающимся со звонкого же согласного, переходят в глухие: *боб* изменяется в «боп», *род* — в «рот», *рог* — в «рок». Интересные данные о рифмах у поэтов, главным образом южного происхождения, с произношением конечного **г** как **х** см. у Чернышёва («Законы и правила...», стр. 39—40).

2. Глухие согласные в положении перед звонкими изменяются в звонкие, а звонкие перед глухими — в глухие: *просьба* звучит «проз^бба», *молотба* — «м^блад^бба», *книжка* — «кн^бишк^б», *бабка* — «бапк^б». Последняя ассимиляция отсутствует в литературном украинском. На конце слова перед следующим звонким в русском возникают даже аффрикаты **дз**, **дж**: «аг^бэдз был, дод^бж была» (*отец был, дочь была*).

3. **С** и **з** ассимилируются последующим шипящим: *сшить* — «ш^быт^б», *с шипением* — «ш^бып^бэн^бий^бъм», *сшиб* — «ш^бып», *с жадностью* — «жадн^бьс^бт^бй^бу», *с жиру* — «ж^быру».

4. **К** и **г** изменяются в **х** перед **к** и **т**: *к кусту* произносится иногда «х кусту», *к коню* — «х кан^у», *мягкий* — «м^бахк^бй», *ногти* — «нох^ти», *когти* — «кох^ти» (откуда в контаминации с «ноготь», «коготь», — *нох^ть^б*, *кох^ть^б*), *дёготь* — «д^бох^ть^б» (ср. «д^бох^ть^б»). При «нох^ти» существует, однако, в Москве и произношение «нок^бти» (Ушаков, указ. соч., стр. 25). Точно также *кто* употребительнее, чем «хто», орфоэпичность которого не всеми признаётся. Параллельно — у некоторых **г** изменяется в **н** (звук, близкий к украинскому **г**) перед **д**: *когда*, *тогда* произносятся «ка^нда», «та^нда» (наряду с «кагда», «тагда»).

5. Сонорные **р**, **л**, **н**, **м**, а также **й** и **в** не ассимилируют себе по звонкости предшествующих глухих согласных, так же как подобного ассимилирующего воздействия не производят гласные; ср. *отбор*, *отдых*, произносящиеся как «адбор, одых», но рядом: «атарват^б, атрыф, атлог^бй, атмыкат^б, ат^бн^бос, атвор, ат^бйэхат^б» (*оторвать, отрыв, отлогий, отмыкать, отнёс, отвор, отъехать*).

Любопытно, что это как раз те звуки, которые не имеют пар, звонкого и глухого, вроде, напр., **б** : **п**, **г** : **к** и под.; **в**, правда, имеет соответственный глухой **ф**, но он перед гласными встречается только в словах, заимствованных из иностранных языков. Как показывают данные русских диалектов, а также факты украинского и белорусского языков, в прошлом он произносился как губогубной (билабиальный) звук и пары себе вовсе не имел.

6. Ч переходит в ш перед н: конечно звучит «кан^бэшн^б», кузнечный в произношении г. Москвы — «куз^бн^бэшн^б» и под.

В словах книжного происхождения и немногих общепринятых ч, однако, удерживается: научный, точный, приличный, вторичный, публичный, речной, ночной, мучной и под.¹

7. Согласные, которые могут в литературном языке быть мягкими перед мягкими согласными, обыкновенно произносятся мягко. Д. Н. Ушаков (указ. соч., стр. 25) считает орфоэпическими формами, напр.: «бан^бщик, д^бверь, ден^бщик, деф^бки, естес^бственно, з^бверь, кор^бмить, кор^бни, лаф^бки, нын^бче, пер^бвенец, раз^ббить, с^бтих» и др. Однако, далеко не все приведённые им примеры могут считаться общелитературнорусскими. А. М. Пешковский, напр., затруднялся, какому произношению отдать преимущество: «армия» или «ар^бмия», «вместе» или «в^бместе», «общественный» или «общес^бтвенный»². Повидимому, не у всех предшествующие согласные подвергаются влиянию мягких губных: «дверь, общественный, естественный». Диалектным надо считать — когда под влиянием последующих мягких согласных смягчаются губные: «деф^бки, лаф^бки» и под.

По наблюдениям В. И. Чернышёва («Законы и правила русского произношения», стр. 46) губные смягчаются перед мягкими губными же или к, г, х, но не имеют полной мягкости перед мягкими сонорными и т, д, з, с; мало способны к смягчению к, г, х. Некоторые в качестве общего правила признают мягкость зубного перед мягким зубным же.

В целом надо, однако, отметить, что сфера смягчения согласных перед мягкими (передними) гласными, вероятно — под влиянием графики, всё более сужается.

8. Д и т в сочетаниях зд, ст выпадают перед н: праздн^бик произносится — «праз^бн^бик, лестный произносится «л^бэсный» и под.

Точно так же имеем выпадения в группах в три зубных согласных: счастливый, сердце, солнце произносятся «ш^бис^бл^бивый, с^бэрц^б, сонц^б» (ср. счастье, сердечный, солнечный, где т, д, л произносятся); ср. ещё иностранное «ланшафт» (ландшафт).

9. Другие чередования согласных, наблюдаемые в русском языке, относятся по преимуществу к более ранним эпохам жизни языка. Часть из них обща и другим славянским языкам или только восточнославянским.

¹ Для колебания в самой Москве характерно расхождение между произношением «облачный» и «облашный». Пушкинские, напр., рифмы указывают на то, что он допускал произношение *скушно* и *сучно*, *конешно* и *конечно* и под. Нельзя и для нашего времени считать запрещёнными рифмы с установкой на произношение чн, вроде, напр., «Трубили горнисты беспечно, И лошади строились в ряд, И мне полюбилися, конечно, С барсучьим султаном солдат» (Багрицкий).

² Сборник статей, 1925, стр. 172.